

О.Н. АСТАФЬЕВА

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И СОГЛАСОВАНИЕ КОНКУРИРУЮЩИХ ДИСКУРСОВ: ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ*

Ольга Николаевна Астафьева,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Институт государственной службы и управления,
Научно-образовательный центр «Гражданское
общество и социальные коммуникации»,
директор
кафедра ЮНЕСКО,
заместитель заведующего
Вернадского просп., д. 82, стр. 1,
Москва, 119571, Россия

доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области культуры
ORCID 0000-0001-8727-6322; SPIN 2917-4546
E-mail: ONAstafieva@mail.ru

Реферат. *Статья посвящена исследованию процесса формирования конкурирующих дискурсов разными субъектами культурной политики, выявляющему глубинные расхождения в стратегиях их взаимодействия и потребность в освоении новых моделей. Отмечается многосубъектность культурной политики и децентрализация системы управления сферой культуры, значимость научно-аналитических обоснований и конвенциональных принципов, обеспечивающих скоординируемую схематизацию действий в условиях усложняющейся и динамично трансформирующейся реальности. Этим обусловлено повышение значимости роли экспертно-научного сообщества культурологов, обеспечивающего концептуальную категоризацию и перевод перцептивных и эмпирических данных*

на логико-понятийный уровень на основе современных методологических принципов исследования, а также интерпретацию, неразрывно присутствующую при развертывании смыслов и восприятии институциональных и повседневных событий. Такое обоснование является актуальным и востребованным в ситуации открытости и перманентной незавершенности культурно-цивилизационных изменений, множественности культур и социокультурного разнообразия, поскольку оно направлено на согласование концептуальных констант и ценностных ориентиров, дискурсивно транслируемых разными субъектами культурной политики. Выявляя амбивалентность дискурсов, ориентирующих как на развитие и модернизацию, так и ревитализацию архаики, на мифологизацию, автор говорит об удержании ценностно-смыслового ядра и целостности культуры, допускающей альтернативность практик конструирования, способствующей преодолению факторов информационного давления и снижению рисков цифрового кодирования общественного сознания.

Впервые предложена систематизация факторов, сопровождающих процесс принятия управленческих решений, влияющих на состояние культуры в обществе. Критическое и рефлексивное мышление культурологов обеспечивает высокий уровень экспертизы и концептуализацию дискурсов культурной политики. Ставится вопрос о расширяющихся перспективах включения дискурсов разных субъектов

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 19-511-93002 «Культурно-философские основания кита́йско-российского сотрудничества».

культурной политики в цифровую среду и пространство массмедиа.

Ключевые слова: культура, философия культуры, культурная политика, культура познания и рефлексии, культура социальной коммуникации, дискурс, интерпретация, субъекты культурной политики, культурология, массмедиа, самоорганизация, управление в сфере культуры, принятие управленческих решений, культурологическая экспертиза.

Для цитирования: Астафьева О.Н. Концептуализация и согласование конкурирующих дискурсов: теория культурной политики // Обсерватория культуры. 2021. Т. 18, № 6. С. 574–585. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-6-574-585.

Многообразие публичных форм участия различных субъектов в формировании культурной политики как модели значимых событий и текстов, обеспечивающее открытость (признак гражданского общества), по существу создает единую типовую модель культурной политики со своим ядром ценностей и «базой данных, с которой соотносится дискурс, и, таким образом, помогает формировать локальную и глобальную связность» [1, с. 199], позволяющую говорить о многообразии стратегий регулирования социокультурного развития в современном мире. Изучение нами интерпретативных практик универсальных концептов культуры, таких как диалог [2] и полилог [3], культуросообразность [4] в исследованиях, раскрывающих философские основания межкультурного взаимодействия России и Китая, а также обоснование обращения к концепту «инклюзия» в качестве культурной универсалии [5], в том числе в публикациях, где речь идет о культурной среде глобализирующегося мира [6] и стран, входящих в состав межгосударственного объединения БРИКС [7], вкупе с переосмыслением концепта «культурная память» [8], «массовая культура» [9] и других, составляющих тезаурус исследований современной культуры, показало, что в настоящее время формируются концептуальные основания стратегических решений и вариативно реализуемой модели культурной политики в разных странах [10]. Доминантой указанных исследований являются базовые идеи взаимодействия и коммуникативной парадигмы, образующих самостоятельное направление в теории культурной политики и продуцирующих соответствующие дискурсивные стратегии.

Динамика погружения в «информационный космос» и все усложняющиеся риски его цифровизации влияют на становление в обществе диаметрально противоположных ценностных систем

и норм, порождают амбивалентные социокультурные последствия.

Разработка теоретических проблем культурной политики связана с междисциплинарным подходом, привлечением широкого спектра методологического инструментария. В силу этого обращение к изучению культурной политики России в предлагаемой нами совокупности, включающей методологию критического дискурс-анализа (Т. ван Дейк, М. Фуко), синергетического подхода (Г. Хакен, И. Пригожин), постнекласических практик (П. Бурдьё, Б. Латур, В.Г. Буданов, В.С. Степин, В.И. Аршинов), теории коммуникации (М. Хабермас, Г. Гутман), является обоснованным, в таком варианте ранее оно практически не встречалось. Можно указать на работы Г.А. Аванесовой, О.Н. Астафьевой, Н.Б. Кирилловой, К.К. Колина, Г.П. Малинецкого, О.П. Неретина, В.И. Савинкова, Л.Е. Вострякова, С.Б. Синецкого, в которых авторы поднимали вопросы о роли самоорганизационных проявлений в культурной политике в определенные периоды развития сверхсложных систем (антропосоцио-культурных систем, по М.С. Кагану), затрагивали тему дискурсов публичных акторов.

Постановка вопроса об изучении самоорганизационного потенциала культурной политики, который во многом определяется качеством человеческого капитала, позволяет заявить о целесообразности использования этого подхода в теоретических исследованиях (Г.А. Аванесова, О.Н. Астафьева, В.А. Горенкин, Е.В. Никонорова, А.В. Швецова и др.), а также вводить его в работы прикладной (практической) направленности, в частности, при выявлении сущности и специфики межведомственного взаимодействия и барьеров в управлении.

В данной статье мы намеренно стремимся избегать какой-либо конкретизации и привязки к эмпирическому материалу, придерживаясь установки на разработку теоретических оснований культурной политики. В центре нашего внимания — культурная политика как масштабный метатекст и коммуникативная система, вбирающая в себя посредством различных каналов коллективные и индивидуальные дискурсы и практики.

ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СУБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В МНОГОСЛОЙНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследование дискурсивных процессов, выявляющих глубинные расхождения в стратегиях взаимодействия субъектов культурной политики и потребности в обосновании ее новых моделей, позволяют констатировать, с одной сто-

роны, признание состоявшегося перехода к многосубъектности и децентрализации, который на протяжении последних тридцати лет мыслился как инновационный и получал импульс благодаря многочисленным научно-аналитическим публикациям; с другой — раскрыть новые сверхсложные рискованные процессы социокультурного пространства как «социоцифровой» реальности, значительно расширяющей искусственный мир — мир культуры, где человек создает все новые и новые информационно-коммуникативные системы и отношения. В условиях такой усложняющейся и динамично трансформирующейся реальности одной из функций науки становится разработка конвенциональных принципов, обеспечивающих скоординированную схематизацию разделяемых всеми субъектами культуры значений. Во-первых, это позволяет обеспечить процесс взаимодействия субъектов в рамках обозначенных линий — векторов культурной политики — стратегическими документами, определяющими перспективы развития социума; во-вторых, адекватно интерпретировать эти тексты и предлагать социальные нормы и образцы, направляя поведение людей в широком поле областей деятельности, подвергающихся интенсивным изменениям.

Поднимая вопрос о дискурсах культурной политики в эпоху цифровизации, целесообразно рассматривать не только тексты и каналы их трансляции, но и исследовать уровни упорядочения коммуникативных потоков, опираясь на существующие подходы к моделированию коммуникаций. Так, обращение к типологии по концептуальным основаниям, преемственности и целевым задачам, разработанной Н.А. Лукьяновой и И.В. Мелик-Гайказян [11, с. 317], позволяет нам выделить несколько линий — каналов коммуникации, структурирующих дискурсы о культурной политике.

Если исходить из целей государственной культурной политики (с соответствующей смысловой концептуализацией и сценарным стратегированием) и преемственности в создании и передаче информации (т. е. активной работы над функционирующими в социуме дискурсами, отражающими процесс творческого развития определенных идей и положений), то таким целям лишь частично отвечает прагматический канал. Это объясняется тем, что, с одной стороны, им обеспечивается информационное воздействие на аудиторию и влияние на организацию конкретных форм социального поведения людей; но, с другой стороны, такой канал коммуникации не предполагает активизации самоорганизационных процессов, поскольку управляем и контролируем: дискурсы распространяются на всех участников процесса с синхроническим аспектом трансляции. В качестве такого канала выступают правовые каналы, дополненные изданиями энциклопедического и справочного характера, профессиональные или

специализированные журналы, содержащие официальные комментарии.

Для сохранения всего объема информации предлагается использовать другую коммуникативную модель с участием оператора, оптимизирующего комбинации элементов коммуникативного процесса. В этой модели менеджмента и маркетинга развивается линия моделей синтактического плана, т. е. операционная деятельность осуществляется в синхроническом аспекте, но с введением субъекта управленческой деятельности, воздействия которого стимулируют творческие решения и придают импульсы к модернизации системы взаимодействий межведомственного порядка.

На наш взгляд, задачам стратегического управления в социокультурной сфере отвечает модель семантического плана, обеспечивающая лишь направленность ориентаций и расширяющая возможности проявления индивидуальных решений для поддержания культурного многообразия в обществе и выстраивания взаимосвязи при выработке единого смыслового поля культурной политики. Подчеркну, не жестко контролируемого и единообразного, а согласованного, с достижением «симметрии» всех участников коммуникации.

Такая линия коммуникации способствует удержанию целостности культурного пространства, в котором индивидуальные личностные смыслы не разрушают, а дополняют созидание совместного смысла. В этой модели задействована информация из памяти, элементы рецепции, преобладает диахронный аспект коммуникации семантического канала трансляции.

В связи с этим возникает новая теоретическая задача для ученых и экспертов, участвующих в формировании коммуникационного пространства — овладение определенным тезаурусом (а при необходимости — его создание) относительно объекта коммуникации, то есть касательно культуры и культурной политики. Эта фундаментальная задача культурологического научного сообщества решается совместно с управленцами и политологами, обеспечивающими функционирование в обществе прагматической модели и синтактической модели коммуникации, дополняемой инструментами семиотической модели.

Обратим внимание на «гибридность» применяемых культурными политиками информационно-коммуникативных моделей. Семиотическая модель коммуникации обеспечивает стратегию и разработку официальных базовых документов (в Российской Федерации это Основы государственной культурной политики), на основе которых далее произошло концептуальное развертывание модели современной культурной политики (Стратегия государственной культурной политики России до 2030 года). Внимание здесь концентрируется на динамичных процессах

развития культуры, на культурных традициях, кодах, сообщениях, функционирующих на разных уровнях культуры, где актуализируются взаимосвязи между разными этапами трансляции смыслов, оказывающими воздействие на всю многослойность культуры и общества.

Культурологическое экспертное сообщество делает акцент на взаимодействии между дискурсами внутри одного порядка дискурса, тем самым определяя направленность социокультурных последствий. Это стимулирует действия, выраженные не только словом в коммуникации, но и в следующих за дискурсом конкретных управленческих действиях субъектов культурной политики.

Соответственно, помимо базовых инструментов культурной политики (правовых, финансово-экономических, информационных и пр.), интерактивное смысловое пространство культуры задает дополнительные импульсы и определяется некой общей когнитивной ориентацией, составляющей ценностно-смысловое ядро многосубъектной модели культурной политики. При этом образующаяся между разными конвенциональными моделями и их персональными вариациями брешь, по мнению Е.Я. Режабека и А.А. Филатовой, является необходимым условием для продолжения регенерации intersubъективных значимых систем из практики [12, с. 149]. Заполнение этого пространства смыслами и ценностями предполагает расширение модели культурной политики за счет принятия обществом «особой» системы коммуникаций между «конвенциональными моделями» и их персональными вариациями, а также через обновленную систему взаимодействия субъектов культурной политики.

Согласимся с тем, что подобная «обусловленность не ограничивает возможностей индивидуального смыслотворчества, но только обеспечивает вероятность сходства осмысления нового опыта членами сообщества» [12, с. 149]. В свою очередь, конвенциональные репрезентации также способны превратиться в мощные стимулы персональной мотивации. Так, общественное сознание насыщается дополняющими и/или конкурирующими смыслами, подчас радикально его усложняя. Во многом это связано с характеристиками современного этапа цифровизации, обеспечивающего скорость доступа к дискурсам, независимо от темпов их перманентного обновления. Тем самым возрастает и рискосность дискурсивного пространства.

Не потому ли так категоричен в своих выводах С.А. Кравченко, подчеркивая, что цифровизация «ликвидирует культурные границы, нет больше охранительных рубежей в отношении культурных ценностей и иных образцов жизнедеятельности» [13, с. 131]? Более того, под давлением объема культурных артефактов, передаваемых по кана-

лам социальных сетей, сталкиваются представления о нормальной жизнедеятельности. Не этими ли процессами обуславливается потребность в гармонизации и упорядочении информационных «вбросов», подчас существенным образом травмирующее общественное сознание?

Однозначного ответа (ни положительного, ни отрицательного) на вопросы, возникающие в условиях повышенной нестабильности, не может быть, поскольку только сплав коллективного и индивидуального осмысления, встраиваемый посредством упорядочения в определенных когнитивных моделях в систему ценностно-смысловых оснований культурной политики, позволяет поддерживать необходимый уровень конкуренции дискурсов в общественном сознании.

МНОГООБРАЗИЕ КОНКУРИРУЮЩИХ ДИСКУРСОВ И ВЕКТОРОВ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Культурологический подход к концептуализации дискурсов как текстов/репрезентантов персональных (индивидуальных) и коллективных субъектов культурной политики направлен на выявление результатов совместной деятельности ученых и экспертов, профессиональных политиков и творческих работников в этом процессе и является важным звеном в интерпретации современной социокультурной деятельности, коллективного опыта и традиции. Тем самым учеными и экспертами обеспечивается концептуальная категоризация и совершается перевод перцептивных и эмпирических данных на логико-понятийный уровень на основе круга методологических принципов (целостности, системной структурности, нового типа сложности, коммуникативности и др.) [14, с. 26]. Такое обоснование является востребованным и результативным, особенно в ситуации открытости и перманентной незавершенности, множественности культур и социокультурного разнообразия, поскольку направлено на согласование концептуальных констант и ценностных ориентиров, транслируемых разными субъектами культурной политики. При этом дискурсы, ориентирующие на развитие и модернизацию, зачастую входят в конфликт с тенденциями ревитализации архаики в сельской местности, где воспроизводятся прошлые модели отношений, далеко не во всех случаях являющиеся возрождением «утраченных автохтонных традиций», что актуализирует проблему достижения баланса «между ориентацией на модернизацию и на бережное отношение к культурному наследию» [15, с. 82–83].

Заметим, однако, что в условиях воспроизводства неустойчивых идентичностей объектом культурологических дискурсов становятся ценности традиционной (архаической) культуры, поскольку именно они широко используются в качестве основы национальной и социальной консолидации и групповой идентичности в различных социальных сообществах. Несомненно, явление глокализации как возрождение ценностей локальных культур заслуженно претендует на общецивилизационную значимость, а автохронные культуры, рассматриваемые как «фактор сохранения и поддержки мирового культурного разнообразия, сохраняющий первичные (архаические) формы культурного наследия» [16, с. 178], — на внимание в контексте конкуренции смыслов — современного мифоконструирования. В.В. Василькова обращает внимание на то, что «использование образцов культуры для формирования национальной идентичности стало приобретать самые разнообразные формы — от безобидных ролевых игр до зловещих форм национального и конфессионального фундаментализма с его опорой на наиболее древние формы религии, включая язычество» [16, с. 178]. На наш взгляд, любые попытки ремифологизации и усиление мифоподобных конструктов (мифоморфизм) повышают риски искажения аксиологической функции мифа как возможности закрепления трансцендентных оснований надындивидуальных смыслов. Они также искажают первичный смысл императивной функции, оказывающей «эффективную помощь современным социальным институтам в осуществлении различных форм социального влияния (СМИ, реклама, политические институты и др.), поскольку позволяют использовать некритические формы восприятия поведенческих образов» [16, с. 180].

Но медийное мифотворчество — это не просто посредник между человеком и реальностью, это «своеобразный механизм управления: он управляет человеком, проникая в его внутренний мир, сферу сознания и подсознания, “программирует” его. <...> Мифологическое сознание предполагает унификацию, упрощение картины мира, ориентацию на стереотипы бытия. Если традиционные мифы пытались объяснить и реальность, и мотивы человеческого поведения, то мифы современные подменяют реальность искусственно созданной матрицей» [17, с. 83–85]. По мнению Н.Б. Кирилловой, подобная «медиасреда, объединяющая несколько макро- (глобальная, общенациональная, региональная и др.) и микросред, является более свободной и хаотичной, предлагая индивиду большее поле для самоопределения» [17, с. 85].

Таким образом, субъекты культурной политики в разной степени и на разных уровнях сталкиваются с проблемой становления своей индивидуальной (групповой, коллективной) стратегии

в культурной среде (в случае с искусством это может быть метод, стиль) в условиях сложностной полицелостности культуры и, соответственно, многосложности ее культурных текстов с многослойной структурой. Нам представляется возможным использовать идею И.В. Кондакова — рассматривать культуру как «двухслойную (как минимум) “амальгаму”: на поверхности которой — культура повседневности, а в глубине — культур-философский, религиозно-мистический или мифопоэтический контекст. Подобная культурная “амальгама” несет в себе напряженную амбивалентность, конфликтность и проблемность ценностно-смыслового контекста, а также стоящую за ним интертекстуальность самого текста культуры, в том числе понимаемого как своеобразный гипертекст или метатекст» [18, с. 518].

Вопрос участия культуры (актуальной, массовой, традиционной, классической и т. д.) в формировании смыслового слоя — это вопрос возможности соблюдения состояния «баланса сил между разными сегментами современной российской культуры, которое, как показывает опыт истории отечественной культуры, не может быть продолжительным и устойчивым» [18, с. 520]. И хотя, по мысли И.В. Кондакова, последнее слово всегда остается за масскультом, на наш взгляд, противостояние слоев культуры чаще всего приводит и политиков, и исследователей к необходимости определиться в ориентации на традицию или инновацию как переоткрытие общественного сознания в условиях нелинейно развивающихся текстовых дискурсов, опирающихся на двойные коды [18, с. 518].

Современное общество нуждается в прорыве замкнутой цепи противопоставлений «традиционалистской ментальности» и инновационных стратегий освоения реальности, в позиционировании культурных эталонов современности, а его члены, свободные в демонстрации своих культурных предпочтений, — в расширении пространства для творческой самореализации. И это вопрос далеко не праздный: порой весьма сложно определить степень социальной санкционированности или, напротив, не санкционированности дискурсных высказываний относительно «традиционных ценностей», специфицированных по ситуации, субъекту, тематической направленности и т. д. А это грозит, в свою очередь, утратой опоры для идентичности, искажением сущности происходящего и может повлиять на мифологизацию сознания.

Потребность в выборе оснований для понимания современных тенденций социокультурных трансформаций и вектора будущего развития предопределяет отказ от бинарных оценочных ориентаций с позиций традиционализма и модернизма, а также обращение в данном контексте к использованию культурных типов, основанных на соци-

альных функций культуры, регулирующих взаимодействия человека со средой: культура-обычай, культура-идеология, культура-референция. При этом культура-референция, будучи, по существу, культурой-рекомендацией, как считает А.Я. Флиер, не навязывает человеку конкретные модели самореализации, а раскрывает широкий спектр интерпретаций и толкований социальной реальности [19, с. 160]. Своей подвижностью, свободой и открытостью культура-референция наиболее близка к пониманию значимости формирования таких творческих дискурсов, которые соответствуют концепции развитого гражданского общества. Потребность в дальнейшем осмыслении культуры-референции актуализирует появление теоретических и прикладных исследований дискурсов.

Именно в условиях культуры-референции конструирование структурно-функциональных схем их реализации уходит от жесткого конструирования культуры-идеологии и становится гибкой гуманитарной технологией, которая не сдерживает проявление инициативы и вариативности, но поддерживает ценностное ядро полисложной целостности культуры, допускающей альтернативность практик конструирования, способствующей преодолению факторов информационного давления и снижению рисков цифрового кодирования общественного сознания.

В связи с этим представляется целесообразным обозначить еще один вектор культурологических исследований — интерпретацию, которая неразрывно присутствует и при развертывании смыслов, и при восприятии институциональных и повседневных событий.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЫСЛОВ И ВЫЗОВЫ УСЛОЖНЯЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ

Перспективы распространения дискурсов субъектов культурной политики в цифровой реальности значительно расширяются, а их социальный и культурный потенциал во многом определяется последующими интерпретациями, поскольку влияет на понимание смыслов и значений, используемых конкретными субъектами категорий и дефиниций. «В интерпретацию, — пишет Л.А. Микешина, — вместе с историческим мышлением входит и его (интерпретатора. — О. А.) “горизонт истолкования”, т. е. включаются и принадлежащие ему понятия и представления» [20, с. 169].

Насколько высокая активность субъектов, участвующих в обсуждениях, дискуссиях, экспертных советах, влияет на качество и достоверность интер-

претации? Насколько сама процедура толкования текста является частью культурологической работы?

Высокая активность и глубокая погруженность интерпретатора в суть социокультурных изменений, степень влияния контекста и его толкования «в себе», опора на истинность и объективность при оценивании или допущение ошибочности и сбоев в трактовке используемых категорий подтверждают обязательность процедуры, на которую указывает Х.-Г. Гадамер: текст нуждается в многообразных толкованиях, но при этом он остается самим собой, и поэтому автором дискурса «ни в малейшей мере не релятивизируется притязание на истинность, выдвигаемое истолкованием» [21, с. 463]. Причину этого так поясняет Л.А. Микешина: «При истолковании получает выражение сама проблема, “само дело”, о котором говорится в тексте. Представляется, что корректная оценка интерпретации предполагает предварительное разграничение логических уровней знания — собственно текста и его истолкования. В отличие от текста его интерпретация не истинна и не ложна, она неverifiedируема, но может и должна быть обоснована, оправдана, что, прежде всего, предполагает экспликацию и осмысление неявных, скрытых элементов текста, выяснение их влияние на его значение и смыслы» [20, с. 169–170].

Дискурсы культурной политики включают ценностно-смысловое ядро, которое обладает динамичной устойчивостью, открытостью для восприятия, и, поскольку «речь идет о подлинном смысле текста, то его проявление не завершается, это бесконечный процесс во времени и культуре» [20, с. 170]. Такие тексты чаще всего являются выражением экспертного мнения в официальных источниках либо научного дискурса в профессиональных журналах и лишь в качестве исключений публикуются в каналах массмедиа (даже при наличии рубрики «Культурная политика» тексты в исключительных случаях выходят за рамки информационно-новостных жанров). В интернет-ресурсах практически отсутствуют аналитические материалы, еле заметно присутствуют театральная и кинокритика и т. д.

«Отчужденность» культурологического дискурса от массмедиа уже сегодня приводит к тому, что актуальные проблемы остаются значимыми только для «внутреннего потребления» самих производителей дискурса (власти, творцов), в то время как влияние такой ситуации на общество огромно. Дистанцированность от обсуждения актуальных проблем и отсутствие дискурса культуры снижают уровень общей культуры в обществе, усиливают ситуацию правовой и социальной незащищенности самих субъектов культурной политики, а игнорирование ими инструментов медийного поля становится, по точному выражению Е.В. Ключниковой, «защитной броней от современности и от процессов мо-

дернизации, за которыми не успевает перестроиться сама система» [22, с. 582].

Дискурсы культурной политики в массмедиа занимают скромное место, при том что в системе современного информационно-коммуникативного обмена дискурс в качестве одного из динамичных факторов воздействия на аудиторию и, соответственно, на результаты проводимых стратегий культурной политики представляет и теоретический, и практический интерес, прежде всего, как инструмент моделирования и прогнозирования культурных потребностей и интересов. Выявить асимметричность и/или симметричность позиций субъектов культурной политики можно с помощью обращения к аналитическим материалам, позволяющим составить мнение относительно медиадискурсивных практик в разных странах по формам воспроизведения и восприятия определенного содержания в конкретном типе текстов — традиционных письменных (статей, эссе) и аудиовизуальных (контент интернет-каналов).

Во все более индивидуализирующейся культурной среде очевидным становится дифференциация информационных потоков, и нам хотелось бы привлечь внимание к обсуждению и этой стороны вопроса, призывая сместить исследовательский ракурс культурологов от массовой и глобальной культуры к усложняющимся векторам развития в обществе [23]. Этой тенденцией во многом объясняется наш интерес к семиологии метадискурса массмедиа относительно государственной культурной политики. Использование данной методологии позволяет солидаризироваться с теми исследовательскими группами, которые признают за массмедиа возможности «конструирования значений с помощью средств массовой коммуникации и реконструирования или реинтерпретации этих значений сравнительно большими рассредоточенными аудиториями (субъектами метадискурса)» [23].

Тема субъектов культурной политики как создающих метадискурсы (например, таких знаковых, как: «Культура как ключ к устойчивому развитию», «Культура как стратегический ресурс развития», «Культура как фактор национальной безопасности», «Культурная политика солидарности, инклюзии» и т. д.), так и воспринимающих их и побуждающих к действию, соответствует культурологическим задачам по разработке общей научной междисциплинарной методологии изучения дискурса, точнее специфики культурологического дискурса, объяснения амбивалентность дискурса о культурной политике у разных субъектов в разных странах.

Когда мы поднимаем вопрос об интерпретации метадискурсов, то вытекающий из него вопрос «почему отсутствует информация, которая нужна людям для ориентации в окружающем социокультурном пространстве и социальной реальности?» должен быть переформулирован и звучать

иначе: «не потому ли при наличии вполне конкретных и гуманистических целей культурной политики в реальности возникает своего рода когнитивный диссонанс, порождающий у разных социальных групп и индивидов поиск новых источников и новых смыслов»? С одной стороны, казалось бы, это стимулирует процессы самоорганизации, но очевидно, что с другой — значительно снижает потенциал культурной политики, в основе которой лежит целерациональная деятельность субъектов по изменению социокультурной реальности. Государство как субъект больших социальных проектов испытывает потребности как в производстве дискурсов, так и в каналах их распространения.

ДИСКУРСЫ СУБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ И ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Поскольку процесс принятия конкретных управленческих решений задается дискурсом власти, предлагаем рассматривать создание официальных текстов и дискурсов культуры как особую интеллектуальную деятельность, «отягощенную» семантическими и аксиологическими составляющими, которыми определяется динамика поэтапного развертывания деятельности субъектов властных отношений, направленных на решение конкретных общественно значимых проблем социокультурной реальности.

Каковы характерные черты этих практических решений в области культурной политики в современных условиях? Говоря о вызовах и рисках процесса принятия концептуальных положений и вытекающих из них управленческих стратегий, выделим шесть факторов, сопровождающих процесс принятия решений, влияющих на состояние культуры в обществе.

Первый фактор связан с «*публичным*» характером культурной политики, позволяющий субъектам культурной политики формировать устойчивые дискурсы, используя имеющиеся у них институциональные системы и ресурсы. Публичность становится основным признаком, проводящим условную границу между сугубо политическими решениями, фиксируемыми в дискурсах и/или текстах, наполненным определенным ценностно-смысловым содержанием. «Условность границы», которая на первый взгляд не столь существенна, на деле может оказаться непреодолимой пропастью для воспринимающих информацию.

Второй фактор — это «*адресность*» культурно-политических дискурсов, прямо или косвенно обращенных к большим социальным группам или ко

всему обществу в целом. Отсюда масштабность задач по обоснованию проводимого распределения ключевых ресурсов и одновременно возрастание напряженности между разными субъектами культурной политики (творческие группы и менеджерский круг, художественное руководство и директорат), доходящей до конфликтности между основными политическими акторами (власть и эксперты, экспертократия и художники, ученые-теоретики и управленцы-практики).

Третий фактор касается необходимости сохранения *проблемно-ситуационного характера дискурсов*, поскольку предполагается, что субъект культурной политики наделен способностью оценивать и конкретизировать проблему, анализировать информацию и формулировать при необходимости альтернативные решения.

Пятым фактором выступает наличие в дискурсах различных субъектов культурной политики, прежде всего власти, оценки существующей *нормативно-правовой базы*, которая выступает одновременно потенциалом и границей для стратегирования и институциональных изменений как для «обвала традиций», так и для закрепления инновационных решений. Этот фактор — одновременно сдерживающий и стимулирующий ресурс культурной политики.

Наконец, шестой фактор влияния на дискурсы культурной политики — их формирование в условиях *высокой степени неопределенности*, обусловленной как контекстом (внутренним и внешним), так и личностным, индивидуальным началом [24, с. 80–81].

Каждый из обозначенных факторов предопределяет значимость культурологически нагруженного участия разных субъектов в формировании дискурсов культурной политики, однако существует ли прямая зависимость между результативностью и эффективностью процесса принятия управленческого решения относительно какой-либо проблемы от уровня и каналов распространения дискурса (официальный дискурс власти, масс-медийное и интернет-пространство)?

Анализ сосуществующих в социокультурном пространстве дискурсивных текстов власти, в которых декларируются значимые приоритеты политики государства в области культуры, дискурсов социальных институтов с их иерархиями ценностей, а также общественного мнения (официально фиксируемого через СМИ или стихийно распространяющегося по социальным сетям и другим коммуникативным каналам), традиционных представлений и оценочных высказываний (в региональных и локальных вариантах) относительно инновационных социальных и культурных практик, креативной экономики и творческих индустрий выявляет и обуславливает целесообразность соотносе-

ния транслируемых дискурсов не столько с состоянием инфраструктуры, материально-техническим и технологическим уровнем социокультурного пространства («системой вещей»), сколько с системой референций. Это происходит в силу того, что действующая в обществе нормативно-законодательная база и финансовые механизмы культурной политики призваны обеспечить устойчивый (без резких изменений) уровень функционирования отрасли культуры и ее институциональной системы с широкой сетью учреждений и организаций.

Поскольку кодификация и категоризация мира культуры в дискурсивном пространстве осуществляется, как правило, «в конкретных социокультурных и институциональных обстоятельствах, в соответствии с определенными правилами включения объектов в “тематический список” (а также исключения объектов из него), с учетом определенных операций контроля над правилами соблюдения этих границ» [25], то дискурс культурной политики государства имеет два направления: *статусный — официальный*, (ориентирован на представление результатов выполнения количественных и качественных показателей, заложенных в Стратегии государственной культурной политики Российской Федерации на период до 2030 г. и национальном проекте «Культура»); раскрывающий *ценностно-смысловые основания инновационного вектора социокультурного процесса* (проявляется в смешанных формах управления, регулирования и самоорганизации)¹. Именно поэтому интересным нам представляется созвучное нашим идеям предложение А.Я. Флиера о выделении огромного пласта культуротворческой деятельности, регулируемой процессами самоорганизации, в пласт «стихийной» культуры [32].

О ЗНАЧЕНИИ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДИСКУРСОВ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Одной из возможных форм упорядочивающего воздействия на дискурсивные потоки, формируемые разными субъектами, выступает культурологическая экспертиза текстов, претендующих на специальный властный дискурс, по-

¹ Данная тема последовательно рассматривается нами, начиная с публикаций 1990-х гг., и далее в работах, фокусирующих внимание на методологии междисциплинарных исследований культуры в рамках синергетической концепции [26; 27], где культура выступает в качестве самоорганизующейся системы [28], что обусловило необходимость обоснования ее целостности [29] и раскрытия влияния инновационного фактора динамики современной культуры на модели взаимодействия культур [30] и теории культурной политики [31].

сколькx ее развитие стимулируется общественным запросом на профессиональную точку зрения, которая базируется на фундаментальном уровне культурологии и выводит экспертное сообщество к обсуждениям вопросов ценностей, смыслов и динамики современной культуры. Фактически — к оценке концепций культурной политики, которые содержат результаты осмысления центральных понятий и категорий культуры и культурологии, расширения методологического инструментария и обновления теоретических моделей как наиболее адекватных тенденциям социальных и цивилизационных изменений. Вариативность региональных моделей культурной политики только подтверждает начавшийся период инновационных поисков.

Экспертиза, теоретическое моделирование и рефлексия над культурным разнообразием, параметрами порядка, нелинейной динамикой неустойчивой ситуации, усложняющейся повседневностью, смещают заданные обществом акценты из сферы эмпирических фактов к универсалиям культуры. Тем самым прикладной уровень исследования культурной политики, дополненный ценностно-смысловой проекцией на различные области социально-гуманитарной деятельности (образовательную, проектную, управленческую, массмедиа, коммуникативную, туристическую, предпринимательскую в области творческих индустрий и др.), также становится профессиональной нишей отечественных культурологов, обладающих гуманистически ориентированным системным мышлением и организационными компетенциями.

Культурологи и философы культуры являются членами общественных и общественно-экспертных советов при профильных федеральных органах исполнительной власти, а также входят в рабочие группы при Государственной Думе Федерального собрания РФ, Совета Федерации Федерального собрания РФ, Общественной палаты РФ, сотрудничают с региональными органами власти и институтами местного самоуправления. Их деятельность поддерживает высокий уровень теоретической и практической значимости документов и материалов, которые позволяют не только реализовывать планы и проводить мероприятия, отвечающие задачам государственной культурной политики, но и *формировать устойчивый профессиональный общественно-государственный дискурс культуры*.

Таким образом, включенность культурологов в формирование дискурсов культурной политики обусловлено широкими возможностями науки о культуре в исследовании междисциплинарных проблем, а также расширением миссии культурологов, которые участвуют не только в воспроизводстве научных текстов и педагогических практик, но и в формировании в обществе дискурсов культуры и иерархии ценностей критического мышления, приоритетов интеллектуальной деятельности с навыками рефлексивного

принятия решений, учитывающих культурные, морально-этические, психологические факторы личности «культурного политика».

Для культурологии — это широкое исследовательское поле, связанное:

- ♦ с выявлением философских, ценностно-смысловых предпосылок теории культурной политики, внедрением дискурса культуры в области менеджмента;

- ♦ с включением управленческих идей (по принятию решений, формированию конкурентной среды и др.) не только в культурологические теоретические концепции, но и в дискурсы различных субъектов культурной политики, основанные на фундаментальных разработках ученых и мнении экспертов;

- ♦ с изучением пересекающихся частей понятийных аппаратов философско-культурологического знания и менеджмента [33, с. 23].

Следует подчеркнуть, критическое и рефлексивное мышление, формируемое в процессе подготовки культурологов, обеспечивает и концептуализацию дискурса культурной политики.

В качестве вывода ограничимся одной фразой: если в экспертном сообществе отсутствует ясный, научно обоснованный концептуальный подход к аналитике социокультурных изменений, то даже самые позитивные дискурсы официального уровня и массмедиа не обеспечат системности в реализации стратегии государственной культурной политики, а останутся набором разрозненных текстов, не раскрывающих ни смысл мероприятий и акций, ни их содержательных целей и задач.

Список источников

1. Ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ., изд. 2-е. Москва : Либроком, 2015. 352 с.
2. Astafieva O.N. «The Development of UNESCO Dialogue Models and Their Inclusion in the Cultural Policy Strategies» // Facets of Culture in the Age of Social Transition : Proceedings of the All-Russian Research Conference with International Participation, KnE Engineering. 2018. P. 1–7. DOI: 10.18502/keg.v3i8.3594.
3. Астафьева О.Н. Диалог и полилог как основа взаимодействия культуры в современном мире: вопросы теории культурной политики // Межкультурное взаимодействие России и Китая: глобальное и локальное измерение : коллективная монография / отв. ред. А.Н. Чумаков, Ли Хэй. Москва : Проспект, 2019. С. 31–55.
4. Астафьева О.Н., Остапенко С.М. Цифровизация как фактор обновления культурно-образовательной среды России и Китая: культурфилософский анализ граней соприкосновения // Теория и практика российско-китайских отношений : коллективная монография / отв. ред. А.Н. Чумаков, Ли Хэй. Москва : Проспект, 2020. С. 95–139.

5. *Sudakova N.E., Astafyeva O.N.* Inclusion as a Modern Cultural Universal: Reflection and Conceptualization // *Journal of Social Studies Education Research*. 2019. Vol. 10, № 3. P. 212–235.
6. *Астафьева О.Н., Судакова Н.Е.* Культурные императивы в век глобализации: инклюзия в перспективе культурной политики БРИКС // *Век глобализации*. 2019. № 4 (32). С. 26–39. DOI: 10.30884/vglob/2019.04.03.
7. *Sudakova N.E., Astafyeva O.N.* Discourse of Inclusion in the Complexity Era: In the BRICS Space // *Space and Culture, India*. 2020. Vol. 7, № 5. P. 80–89. DOI: 10.20896/saci.v7i5.694.
8. *Астафьева О.Н.* Историческая память как ресурс культурной политики и формирование коллективной идентичности // *Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : монография / О.Н. Астафьева, А.Г. Васильев, Н.А. Кочеляева и др. 2-е изд. Москва : Совпадение, НИК. 2015. С. 95–115.*
9. *Astafyeva O.N., Belyakova I.G., Sudakova N.E.* Theoretical Studies of Mass Culture as a Self-Developing System in the Context of the Tasks of Russia's Cultural Policy // *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*. 2017. Vol. 12, № 7b. P. 1475–1481. DOI: 10.12973/ejac.2017.00275a
10. *Аванесова Г.А., Астафьева О.Н.* Россия в межцивилизационных союзах: культурно-гуманитарные аспекты евразийского сотрудничества // *Вестник Челябинского государственной академии культуры и искусства*. 2015. № 3 (43). С. 29–36.
11. *Лукьянова Н.А., Мелик-Гайказян И.В.* Структура коммуникативного пространства культуры // *Системные исследования культуры*. 2008 / под ред. Г.В. Иванченко, В.С. Жидкова. Санкт-Петербург : Алетей, 2009. С. 306–328.
12. *Режабек Е.Я., Филатова А.А.* Когнитивная культурология : учебное пособие. Санкт-Петербург : Алетей, 2010. 316 с.
13. *Кравченко С.А.* Социология цифровизации : учебник для вузов. Москва : Юрайт, 2021. 236 с.
14. *Тхагапсоев Х.Г., Астафьева О.Н., Докучаев И.И., Леонов И.В.* Информационно-семиотическая теория культуры. Введение : монография. Санкт-Петербург : Астерион, 2020. 208 с.
15. *Хачатурян В.М.* Архаизация и модернизация в современной России: к проблеме модернизационного потенциала архаики // *Исторические повороты культуры : сборник научных статей : (к 70-летию профессора И.В. Кондакова) / общ. ред. и сост. О.Н. Астафьевой. Москва : Согласие, 2018. С. 82–83.*
16. *Василькова В.В.* Эволюция мифа: от архаической онтологии к современному мифоконструированию // *Системные исследования культуры*. 2008 / под ред. Г.В. Иванченко, В.С. Жидкова. Санкт-Петербург : Алетей, 2009. С. 58–181.
17. *Кириллова Н.Б.* Парадоксы медийной цивилизации : избранные статьи. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2017. 452 с.
18. *Кондаков И.В.* Русский масскульт: от барокко к пост-модерну : монография. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 544 с.
19. *Флиер А.Я.* Социальная многоплановость культуры // *Культурология: имя собственное : (к 70-летию Андрея Яковлевича Флиера) : коллективная монография / общ. науч. ред. И.В. Малыгиной. Москва : Согласие, 2021. 406 с.*
20. *Микешина Л.А.* Интерпретация как конститутивное условие и базовая операция познания // *Современные методологические стратегии. Интерпретация. Конвенция. Перевод : коллективная монография / под общ. ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щединой. Москва : Российская политическая энциклопедия, 2014. С. 149–187.*
21. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. Москва : Прогресс, 1988. 704 с.
22. *Ключникова Е.В.* «Грезы» музыкальных СМИ: функции, идеология, коммуникация : (на примере печатной продукции) // *Системные исследования культуры*. 2008 / под ред. Г.В. Иванченко, В.С. Жидкова. Санкт-Петербург : Алетей, 2009. С. 573–586.
23. *Сусская О.* Метадискурс масс-медиа: особенности, специфика, дифференциация // *Современный дискурс-анализ*. Вып. 18. URL: <http://discourseanalysis.org/ada18/st118.shtml> (дата обращения: 01.12.2021).
24. *Сосунов Д.В.* Процесс принятия политических решений в условиях российской модернизации: вызовы и риски // *Модернизация и политическая система России : материалы научной конференции. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2012. С. 80–81.*
25. *Кожемякин Е.А.* Предметная область институционального дискурса: что предьявляется как действительное в общественно значимых текстах? // *Сетевое сообщество «Российская культурология»*. URL: <https://www.culturalnet.ru/main/person/1087> (дата обращения: 01.12.2021).
26. *Астафьева О.Н.* Синергетический подход к исследованию социокультурных процессов: возможности и пределы. Москва : МГИДА, 2002. 295 с.
27. *Астафьева О.Н.* Синергетический подход к исследованию культуры // *Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции : коллективная монография / под ред. Ю.М. Резника. Москва : Научно-политическая книга, 2012. С. 395–436.*
28. *Астафьева О.Н.* Культура как самоорганизующаяся система: синергетическая концепция // *Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции : коллективная монография / под ред. Ю.М. Резника. Москва : Научно-политическая книга, 2012. С. 105–150.*
29. *Астафьева О.Н.* Целостность культуры как «единство множественности» // *Синергетическая парадигма. Социальная синергетика / ред.-сост.: О.Н. Астафьева, В.Г. Буданов. Москва : Прогресс-Традиция, 2009. С. 133–156.*

30. Астафьева О.Н. Динамика «полицелостности» современной культуры: инновационные практики взаимодействия // Синергетическая парадигма: синергетика инновационной сложности : к 70-летию В.И. Аршинова : сборник / отв. ред. В.И. Аршинов. Москва : Прогресс-Традиция, 2011. С. 269–285.
31. Астафьева О.Н. Культурная политика: динамика теоретических подходов и фундаментальных концептуализаций // Культурная политика России: актуальные аспекты: коллективная монография / А.Н. Чумаков, О.Н. Астафьева, Э.В. Деменчонок и др. ; под ред. А.Н. Чумакова. Москва : Проспект, 2015. С. 15–26.
32. Флиер А.Я. Культура управляемая и культура стихийная. Культура vs. свобода // Культура культуры. 2021. № 3. URL: <http://cult-cult.ru/culture-is-controlled-and-culture-is-spontaneous-culture-vs-freedom/> (дата обращения: 01.12.2021).
33. Сорина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность : монография. 2-е изд. Москва : Канон+ ; Реабилитация, 2009. 272 с.

Conceptualization and Coordination of Competing Discourses: The Theory of Cultural Policy

Olga N. Astafyeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82, Building 1, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russia

ORCID 0000-0001-8727-6322; SPIN 2917-4546

E-mail: ONAstafieva@mail.ru

Abstract. *The article explores the process of formation of competing discourses by different subjects of cultural policy, revealing deep discrepancies in the strategies of their interaction and the need to develop new models. There is noted the multi-subject nature of cultural policy and the decentralization of the culture management system, as well as the importance of the scientific and analytical justifications and conventional principles that ensure coordinated schematization of actions in the context of a complex and dynamically transforming reality. This leads to the increasing importance of the role of the expert scientific community of culturologists, who provide conceptual categorization and translation of perceptual and empirical data to the logical and conceptual level based on modern methodological principles of research, as well as interpretation that is inextricably present in the unfolding of meanings and the perception of institutional and everyday events. This justification is relevant and in demand in the situation of openness and permanent incompleteness of cultural and civilization-al changes, plurality of cultures and socio-cultural diversity, since it is aimed at coordinating conceptual constants and value orientations discursively transmitted by different subjects of cultural policy. Revealing the ambivalence of discourses that focus both on the development and modernization, and the revitalization of archaism, on mythologization, the author speaks about the retention of the value-semantic core and the integrity of culture, which allows for alternative design practices and helps to overcome information pressure factors and reduce the risks of digital coding of public consciousness.*

For the first time, the article offers a systematization of the factors accompanying the process of making managerial decisions that affect the state of culture in society. Critical and reflexive thinking of culturologists provides a high level of expertise and conceptualization of discourses of cultural policy. The article raises the question of the expanding prospects for the inclusion of discourses of various subjects of cultural policy in the digital environment and the space of mass media.

Key words: culture, philosophy of culture, cultural policy, culture of cognition and reflection, culture of social communication, discourse, interpretation, subjects of cultural policy, cultural studies, mass media, self-organization, management in the field of culture, managerial decision-making, cultural expertise.

Citation: Astafyeva O.N. Conceptualization and Coordination of Competing Discourses: The Theory of Cultural Policy, *Observatory of Culture*, 2021, vol. 18, no. 6, pp. 574–585. DOI: 10.25281/2072-3156-2021-18-6-574-585.

Acknowledgements.

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of project No. 19-511-93002 “Cultural and Philosophical Foundations of Chinese-Russian Cooperation”.

References

1. Van Dijk T. *Discourse and Power. Representation of Dominance in Language and Communication*. Moscow, 2015, 352 p. (in Russ.).
2. Astafyeva O.N. The Development of UNESCO Dialogue Models and Their Inclusion in the Cultural Policy Strategies, *Facets of Culture in the Age of Social Transition: Proceedings*, 2018, pp. 1–7. DOI: 10.18502/keg.v3i8.3594.
3. Astafyeva O.N. Dialogue and Polylogue as a Basis of Culture Interaction in the Modern World: Issues of the Theory of Cultural Policy, *Intercultural Interaction between Russia and China: Global and Local Dimension: collective monograph*. Moscow, 2019, pp. 31–55 (in Russ.).

4. Astafyeva O.N., Ostapenko S.M. Digitalization as a Factor for Updating the Cultural and Educational Environment of Russia and China: A Cultural and Philosophical Analysis of the Contacting Facets, *Theory and Practice of Russian-Chinese Relations*. Moscow, 2020, pp. 95–139 (in Russ.).
5. Sudakova N.E., Astafyeva O.N. Inclusion as a Modern Cultural Universal: Reflection and Conceptualization, *Journal of Social Studies Education Research*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 212–235.
6. Astafyeva O.N., Sudakova N.E. Cultural Imperatives in the Age of Globalization: Inclusion in the Perspective of BRICS Cultural Policy, *Age of Globalization*, 2019, no. 4 (32), pp. 26–39. DOI: 10.30884/vglob/2019.04.03 (in Russ.).
7. Sudakova N.E., Astafyeva O.N. Discourse of Inclusion in the Complexity Era: In the BRICS Space, *Space and Culture, India*, 2020, vol. 7, no. 5, pp. 80–89. DOI: 10.20896/saci.v7i5.694.
8. Astafyeva O.N. Historical Memory as a Resource of Cultural Policy, and the Formation of Collective Identity, *Cultural Memory in the Context of the Formation of the National Identity of Russia in the 21st Century: monograph*. Moscow, 2015, pp. 95–115 (in Russ.).
9. Astafyeva O.N., Belyakova I.G., Sudakova N.E. Theoretical Studies of Mass Culture as a Self-Developing System in the Context of the Tasks of Russia's Cultural Policy, *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*, 2017, vol. 12, no. 7b, pp. 1475–1481. DOI: 10.12973/ejac.2017.00275a.
10. Avanesova G.A., Astafyeva O.N. Cultural-Humanitarian Aspects of Eurasian Collaboration: Russia in Intercivilisational Unions, *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, 2015, no. 3 (43), pp. 29–36 (in Russ.).
11. Lukyanova N.A., Melik-Gaikazyan I.V. The Structure of the Communicative Space of Culture, *Systematic Studies of Culture. 2008*. St. Petersburg, 2009, pp. 306–328 (in Russ.).
12. Rezhabek E.Ya., Filatova A.A. *Cognitive Cultural Studies: textbook*. St. Petersburg, 2010, 316 p. (in Russ.).
13. Kravchenko S.A. *Sociology of Digitalization: textbook for universities*. Moscow, 2021, 236 p. (in Russ.).
14. Tkhangapsoev Kh.G., Astafyeva O.N., Dokuchaev I.I., Leonov I.V. *Information-Semiotic Theory of Culture. Introduction: monograph*. St. Petersburg, 2020, 208 p. (in Russ.).
15. Khachatryan V.M. Archaization and Modernization in Modern Russia: On the Modernization Potential of Archaism, *Historical Turns of Culture: collected scientific articles*. Moscow, 2018, pp. 82–83 (in Russ.).
16. Vasilkova V.V. The Evolution of Myth: From Archaic Ontology to Modern Myth Construction, *Systematic Studies of Culture. 2008*. St. Petersburg, 2009, pp. 58–181 (in Russ.).
17. Kirillova N.B. *Paradoxes of Media Civilization: selected articles*. Yekaterinburg, 2017, 452 p. (in Russ.).
18. Kondakov I.V. *Russian Mass Culture: From Baroque to Post-modern: monograph*. Moscow, 2018, 544 p. (in Russ.).
19. Flier A.Ya. Social Diversity of Culture, *Culturology: A Proper Name: (to the 70th anniversary of Andrey Yakovlevich Flier): collective monograph*. Moscow, 2021, 406 p. (in Russ.).
20. Mikeshina L.A. Interpretation as a Constitutive Condition and Basic Operation of Cognition, *Modern Methodological Strategies. Interpretation. Convention. Translation: collective monograph*. Moscow, 2014, pp. 149–187 (in Russ.).
21. Gadamer H.-G. *Truth and Method. Fundamentals of Philosophical Hermeneutics*. Moscow, 1988, 704 p. (in Russ.).
22. Klyuchnikova E.V. The “Dreams” of Music Media: Functions, Ideology, Communication: (By the Example of Printed Products), *Systematic Studies of Culture. 2008*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2009, pp. 573–586 (in Russ.).
23. Susskaya O. Metadiscourse of Mass Media: Features, Peculiarities, Differentiation, *Modern Discourse Analysis*, issue 18. Available at: <http://discourseanalysis.org/ada18/st118.shtml> (accessed 01.12.2021) (in Russ.).
24. Sosunov D.V. The Process of Political Decision-Making in the Context of Russian Modernization: Challenges and Risks, *Modernization and the Political System of Russia: Proceedings of the Scientific Conference*. Moscow, 2012, pp. 80–81 (in Russ.).
25. Kozhemyakin E.A. The Subject Area of Institutional Discourse: What Is Presented as Valid in Socially Significant Texts? “Russian Cultural Studies” Network Community. Available at: <https://www.culturalnet.ru/main/person/1087> (accessed 01.12.2021) (in Russ.).
26. Astafyeva O.N. *Synergetic Approach to the Study of Socio-Cultural Processes: Opportunities and Limits*. Moscow, 2002, 295 p. (in Russ.).
27. Astafyeva O.N. The Synergetic Approach to Culture Research, *Theory of Culture: Diversity of Approaches and Opportunities for their Integration: collective monograph*. Moscow, 2012, pp. 395–436 (in Russ.).
28. Astafyeva O.N. Culture as a Self-Organizing System: The Synergetic Concept, *Theory of Culture: Diversity of Approaches and Opportunities for their Integration: collective monograph*. Moscow, 2012, pp. 105–150 (in Russ.).
29. Astafyeva O.N. The Integrity of Culture as a “Unity of Plurality”, *Synergetic Paradigm. Social Synergetics*. Moscow, 2009, pp. 133–156 (in Russ.).
30. Astafyeva O.N. Dynamics of the “Polyintegrity” of Modern Culture: Innovative Practices of Interaction, *Synergetic Paradigm: Synergetics of Innovative Complexity: collection*. Moscow, 2011, pp. 269–285 (in Russ.).
31. Astafyeva O.N. Cultural Policy: Dynamics of Theoretical Approaches and Fundamental Conceptualizations, *Cultural Policy of Russia: Current Aspects: collective monograph*. Moscow, 2015, pp. 15–26 (in Russ.).
32. Flier A.Ya. Culture Is Controlled and Culture Is Spontaneous. Culture vs. Freedom, *Culture of Culture*, 2021, no. 3. Available at: <http://cult-cult.ru/culture-is-controlled-and-culture-is-spontaneous-culture-vs-freedom/> (accessed 01.12.2021) (in Russ.).
33. Sorina G.V. *Decision-Making as an Intellectual Activity: monograph*. Moscow, 2009, 272 p. (in Russ.).